

— Я вовсе не секретничала, Полли. Пожалуйста, не дразните меня, я не могу этого вынести, — слабо защищалась Стелла.

Она съ трудомъ удерживала слезы. Мистриссъ Чапманъ погладила ее по спинѣ, а Полли нѣжно обняла за талию.

— Ну, что-жъ, поздравляю васъ отъ всей души, моя милая миссъ Болъдвудъ! — сказала мистриссъ Чапманъ.

— И какъ онъ хорошъ! — вздохнула Полли: — настоящий портретъ Гая Ливингстона.

ХІІІ.

Стелла послушалась своего милаго и уложила рукописи и тѣ немногія любимыя книги, которыя она захватила съ собою, уходя изъ лашмерскаго замка, въ тотъ самый мѣшочекъ, который такъ страшно оттянулъ ей руки во время перехода изъ Лашмера въ Брумъ, и стала дожидаться письма и экипажа.

Она сидѣла у окна своей коморки и ждала; но когда стрѣлка часовъ подошинулась къ шести, то стала прислушиваться къ стуку колесъ на улицѣ. Было темно, но она не зажигала огня.

Шесть часовъ, а экипажа нѣтъ какъ нѣтъ. Она слышала, какъ пробило шесть на церковныхъ часахъ и затѣмъ на часахъ двухъ фабрикъ.

Нѣтъ, очевидно, что милэди отказалась написать записку и не хочетъ знать убѣжавшую изъ дома служанку.

Но чу! вотъ застучали колеса кареты... да, положительно, кареты, и послышался ритмическій стукъ копытъ пары лошадей. Стелла подбѣжала къ окну и выглянула изъ него.

Свѣтъ отъ каретныхъ фонарей озарялъ улицу и освѣтилъ Стеллу въ то время, какъ она стояла у окна.

Карета самой милэди остановилась у дверей лавочки; лакей отворилъ дверцу, и изъ кареты вышла милэди въ длинномъ черномъ бархатномъ манти, обшитомъ соболемъ.

Стелла, блѣдная и дрожащая, сошла внизъ, чтобы принять эту неожиданную посѣтельную.

— Стелла, я пріѣхала за тобой, — сказала милэди спокойно и непринужденно. — Съ твоей стороны было очень неблагоприятно убѣжать изъ дому отъ того, что легкомысленный молодой человѣкъ сказалъ тебѣ нѣсколько грубыхъ словъ. Надѣвай шляпу, а я благодарю добрыхъ людей, которые позаботились о тебѣ.

Стелла не заставила милэди дожидаться, и черезъ двѣ секунды появилась съ мѣшкомъ, гдѣ лежали ея книги.